

DOI: 10.12737/article_5940f01b71aaa2.44953122

*Реутова М.Н., канд. соц. наук, доц.,**Реутов Е.В., канд. соц. наук, проф.**Белгородский государственный национальный исследовательский университет**Шавырина И.В., канд. соц. наук, доц.**Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова*

РЕЦИПРОКНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: НЕРЫНОЧНЫЙ ОБМЕН РЕСУРСАМИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ*

shavyrina_77@mail.ru

В статье проанализировано значение реципрокности как принципа конструирования социальных отношений в современной экономической системе. Рассмотрены формы и виды реципрокности, механизмы реципрокности в воспроизводстве практик взаимопомощи в местных сообществах. В ходе анализа эмпирических данных установлено, что большинство российских домохозяйств связано отношениями обмена или взаимопомощи с другими. В условиях социально-экономического кризиса эти отношения приобретают особое значение. В российском обществе по-прежнему довольно широко распространена обобщенная и негативная реципрокность, особенно в рамках отношений родители – дети, а также в дружеских и партнерских отношениях. При этом распространение практик самоорганизации и взаимопомощи на местном уровне способствует формированию специфических ценностей и установок взаимной ответственности, лежащих в основе сбалансированной или «чистой» реципрокности.

Ключевые слова: *реципрокность, взаимопомощь, домохозяйство, социально-экономические отношения, местное сообщество.*

В современных социологических концепциях, посвященных осмыслению источников и факторов социальных отношений и коммуникаций, существенное место занимает концепт реципрокности, под которой понимается принцип межличностных и социальных отношений, предполагающий наличие явных и латентных взаимных обязательств. А. Гелен отмечал, что «реципрокность в отношениях представляет собой основную антропологическую категорию» [1], «является непрерывной человеческой константой» [2], «реципрокность или взаимность отношений издавна известна как фундамент человеческого поведения» [2]. С точки зрения К. Штэгбауэра, реципрокность можно рассматривать как важнейшее правило, создающее основу отношений [3].

Вопрос о роли взаимопомощи в процессе эволюции человека в числе первых был рассмотрен К.Ф. Кесслером и далее П.П. Кропоткиным, которые отмечали, что помимо закона Взаимной Борьбы, в природе существует еще закон «Взаимной Помощи», который для успешности борьбы за жизнь, и в особенности для прогрессивной эволюции видов, играет гораздо более важную роль [4].

Как принцип конструирования социальных отношений реципрокности особое внимание уделялась в рамках таких социологических теорий, как теория обмена, теория социального капитала, сетевая концепция. Основоположники

теории социального обмена выдвинули тезис о том, что социальное поведение людей основано на взаимодействии, сутью которого является непрерывный обмен материальными и нематериальными ресурсами, основанный на принципе реципрокности. «Социальное поведение представляет собой обмен благами, как материальными, так и нематериальными, такими как символы одобрения или престижа. Люди, которые дают много другим, пытаются получить столько же от них, и лица, которые получают много от других, находятся под давлением, чувствуя себя обязанными предоставить в ответ равноценные блага» [5].

Согласно П. Блау, далеко не все социальные отношения могут быть рассмотрены как процессы обмена, а лишь те из них, которые ориентированы на достижение целей, реализация которых возможна только в процессе взаимодействия с другими людьми и для достижения которых необходимы средства, доступные и другим людям [6].

Реципрокность является механизмом формирования и воспроизводства относительно прочных и устойчивых сетей взаимопомощи [7]. Принцип конвертации различных по своему характеру ресурсов (от материальных до символических), субъективация их нормативного объема, возможность «отсрочки» в предоставлении ответных услуг и ресурсов способствуют лабильности взаимных ожиданий участников

сетей взаимопомощи и способности самих сетей к воспроизводству.

В отечественной и зарубежной науке, в том числе, в трудах С.Ю. Барсуковой, О. Безруковой, Г.В. Градосельской, М. Кастельса, М.И. Новинской, И.Р. Пригожина, И.Е. Штейнберга, М. Тёррёнен разрабатываются различные аспекты теории социальных сетей – от методологии их исследования до конкретно-эмпирического анализа формирования и функционирования сетевых отношений в тех или иных локальных группах. И всеми последователями сетевой теории реципрокность, так или иначе, концептуализируется как один из ключевых факторов устойчивости и интенсивности социальных коммуникаций.

С.Ю. Барсукова, используя социологический и экономический подходы к изучению феномена сетевых структур, обращает внимание на специфический характер реципрокных отношений, отделяя их от рыночных. В ее работах реципрокность предполагает, прежде всего, обмен ресурсами на нерыночной основе. Так, основными функциями межсемейных обменов являются: экономическая взаимопомощь, кооперация усилий и средств; создание неформального кредитования; установление стабильных отношений и контактов, как равноправных, так и доминантных; подтверждение социального статуса семьи; моральная поддержка в рамках сети, скорая психологическая помощь; трансляция этических ценностей, религиозных и этнических традиций [8].

Г.В. Градосельская на основе теории графов проанализировала распределение домохозяйств по признакам участия в обмене и получении различных ресурсов (деньги, продукты, труд и др.), выделив такие категории как: «обменщики», «доноры», «потребители», «независимые» [9].

И.Е. Штейнберг исследовал сети социальной поддержки семьи, рассматривая их как особый род неформального социального института, спонтанно возникшего на основе кровного родства и дружеских связей членов семей, их взаимного интереса и личного выбора. Постулируя «неэквивалентность» обменов, доминирующую в сетях взаимопомощи, И.Е. Штейнберг, тем не менее, отмечает, что неэквивалентность может существовать лишь в специфической системе отношений, предполагающих «иную рациональность», в том числе, стремление к поддержанию и укреплению доверительных отношений [10].

По данным исследования В. Радаева, проведенного на рубеже 1990-2000-х гг., доля семей, связанных отношениями реципрокного обмена, составляет около 70 % [11]. По оценке О. Фадеевой, изучавшей взаимопомощь в сельских со-

обществах, «не обнаружилось ни одной семьи, которая бы не была связана отношениями обмена или помощи с другими семьями» [12]. К аналогичным результатам пришла О. Лылова, изучавшая практики взаимопомощи в сельской местности: «особенность жизни на селе такова, что каждая семья в той или иной ситуации становится донором или реципиентом услуги» [13].

В исследовании М. Тёррёнен на примере финских семей с маленькими детьми проанализировано социально-экономическое измерение реципрокности и экономических ресурсов, которые, как правило, создают основу для выживания и поддержки других ресурсов. Автор подчеркивает, что реципрокность имеет отношение как к межличностным, так и к социальным отношениям, а также к интерпретации людьми их личного благополучия [14].

Существенное методологическое значение для исследования феномена реципрокности имеет концепция социального капитала, разрабатываемая П. Бурдье, Г. Беккером, П.М. Козыревой, Дж. Коулменом, Н.М. Лебедевым, Р. Патнэмом, В.В. Радаевым, Ф. Фукуямой.

В работах данных авторов обращается внимание на ключевые факторы формирования индивидуального и коллективного социального капитала, связанные со способностью участников групп и сообществ к инвестированию собственных материальных и нематериальных активов в социальное окружение – причем, без расчета на немедленную отдачу.

Следование участниками социальных отношений взаимным ожиданиям в является одним из основных факторов формирования межличностного и, в определенной мере, институционального доверия. Так, в концепции Ф. Фукуямы доверие – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и вниманием к нуждам окружающих [15]. Без доверия, в свою очередь, невозможно сформировать сколько-нибудь устойчивую систему отношений и рассчитывать на позитивное восприятие контрагентами многообразных социальных интересов.

Субъективная неопределенность взаимности, эквивалентности социальных обменов позволяет шкалировать реципрокность в достаточно широких пределах. Так, М. Залинс в своей классификации выделяет три формы реципрокности: обобщенную, сбалансированную и негативную. Негативная реципрокность характерна для отношений, направленных на получение каких-либо благ без намерения ответных действий. Сбалансированная реципрокность основана на обмене ресурсами приблизительно рав-

ной ценности. Обобщенная реципрокность возможна в близких отношениях, при которых один актер, давая что-либо другому, не ждет обязательных ответных действий [16].

К. Штэгбауэр выделяет 4 основных формы реципрокности:

1. Прямая («чистая») реципрокность – отношения, основанные на принципе эквивалентного обмена.

2. Обобщенная реципрокность – услуга, которая оказывается без надежды на прямую компенсацию.

3. Реципрокность статусно-ролевых отношений, при которых каждый берет и отдает, в зависимости от выполняемой социальной роли (например: врач – больной).

4. Реципрокность социальных ожиданий – люди знают, чего им ожидать от других, в зависимости от их статусов [3].

И. Штейнберг выделил три формы обмена психологическими ресурсами (совет, моральная поддержка, проявление симпатии и любви) в сетях социальной поддержки:

1. Профилактика форс-мажорных обстоятельств, совет, информация, увещевание, вмешательство в ситуацию (угроза потери работы, проблемы со здоровьем, семейные проблемы).

2. Реабилитация последствий посттравмы (потеря работы, болезнь, развод и пр.).

3. Мобилизация ресурсов сети для решения проблемы путем разделения ее на задачи и распределения этих задач по агентам сети [10].

В последние десятилетия социологическими центрами России собран ряд данных, которые позволяют проанализировать механизмы реципрокности в воспроизводстве практик взаимопомощи в местных сообществах.

В Российском лонгитюдном мониторинге, который проводился в 1990-х гг. было установлено четыре типа домохозяйств, обменивающихся ресурсами:

- «Доноры» – домохозяйства, предоставляющие трансферты;

- «Потребители» – домохозяйства, получающие трансферты;

- «Обмен» – домохозяйства, и получающие и предоставляющие трансферты;

- «Независимые» – не получающие и не предоставляющие трансферты [17].

При этом отмечалось, что частные трансферты не только восполняют дефицит государственной помощи уязвимым слоям, но и свойственны социальному обмену в целом. При сетевом анализе частных трансфертов предполагается, что единицей взаимодействия (актером) является домохозяйство. Даже если помощь направлена одному из членов семьи либо род-

ственнику, средства и ресурсы извлекаются из общего семейного бюджета.

Готовность граждан к благотворительной деятельности непосредственно не связана с принципом реципрокности. Однако участие в благотворительности – особенно адресного характера – способствует формированию специфических ценностей и установок, связанных с социальной ответственностью, вне которой невозможна и реципрокность.

Так, Фонд «Общественное мнение» и Добро mail.ru в 2015 году провели опрос о практиках помощи и готовности помогать взрослым. Больше половины россиян сообщили, что за последний год они помогали взрослым или пожилым людям. Когда-либо помогали взрослым тяжелобольным или взрослым инвалидам 45 % опрошенных, и подавляющее большинство – 84 % – допускают, что будут помогать таким людям в будущем. Наиболее распространенными видами помощи были: денежная (49 %), вещами (33 %), делами (27 %), донорство (6 %) [18].

Авторы отчета по результатам общероссийского социологического исследования «Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем» (Левада-Центр, 2014 г.), обращают внимание на моральные стимулы самоорганизации граждан, являющиеся специфическим проявлением реципрокности: «коллективная деятельность, целью которой являются сами отношения между людьми, радость от общения, является поводом для образования новых общественных связей, которые могут быть использованы в случае беды или чрезвычайной ситуации» [19].

Таким образом, принцип взаимности в социальных взаимодействиях является одной из основополагающих характеристик системы социальных отношений. Реципрокность является важнейшим элементом ряда социологических концепций, таких как теория обмена, теория социального капитала, сетевая концепция. Измерение феномена реципрокности на эмпирическом уровне свидетельствует, что большинство российских домохозяйств связано отношениями обмена или помощи с другими. В отличие от европейского, в российском обществе по-прежнему довольно широко распространена обобщенная и негативная реципрокность, особенно в рамках отношений родители – дети, а также в дружеских и партнерских отношениях. Тем не менее, все более широко распространяющаяся благотворительность способствует формированию специфических ценностей и установок взаимной ответственности, лежащих

в основе сбалансированной или «чистой» реципрокности.

**Работа подготовлена при финансовой поддержке Отделения по гуманитарным и общественным наукам РФФИ. Грант «Реципрокность в воспроизводстве практик взаимопомощи в местных сообществах» № 17-03-00196 (рук. М.Н. Реутова).*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Gehlen A. Urmensch und Spätkultur. Frankfurt, Bonn: Athenäum, 2. Auflage, 1964.
- Gehlen A. Moral und Hypermoral – Eine pluralistische Ethik. Frankfurt, Bonn: Athenäum, 1969.
- Stegbauer C. Reziprozität. Einführung in soziale Formen der Gegenseitigkeit. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002. 174 S.
- Кропоткин П.П. Взаимопомощь как фактор эволюции. URL: <http://avtonom.org/index.php?nid=996> (дата обращения: 28.04.2017).
- Homans G.C. Social Behavior as Exchange. American Journal of Sociology. Vol. 63. 1958. PP. 597-606.
- Blau P. Exchange and Power in Social Life. N. Y.: Wiley, 1986. P. IX.
- Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Проблемы и перспективы общественного участия в регионе // Вестник Белгородского государственного университета им. В.Г. Шухова. 2015. № 4. С.209–212.
- Барсукова С.Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 52 с.
- Градосельская Г.В. Социальные сети: обмен частными Трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 156–163.
- Штейнберг И. Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей // Вестник общественного мнения. 2004. № 6 (74). С. 52–57.
- Radaev V. Urban Households in the Informal Economy // Explaining Post-Soviet Patchworks / Ed. by K. Segbers. Vol. 2. Aldershot: Ashgate, 2001. P. 333–361.
- Фадеева О. Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999. С. 183–218.
- Лылова О.В. Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 83–88.
- Тёррёнен М. Социально-экономическое благополучие финских семей с маленькими детьми: экономическое измерение реципрокности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 5 (82). С. 8–26.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.
- Sahlins M. Zur Soziologie des primitiven Tauschs. Berliner Journal für Soziologie. 1999. Nu. 9. S. 149–178.
- Безрукова О.Н. Ресурсы и сети поддержки ответственного родительства в молодых семьях. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.
- О готовности помогать взрослым людям. Данные опроса ФОМ от 20 июля 2016 г. URL: <http://fom.ru/TSennosti/12759> (дата обращения: 28.04.2017).
- Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: Сводный аналитический отчет – 2014. URL: http://www.levada.ru/old/sites/default/files/potencia1_grazhdanskogo_uchastiya_0.pdf (дата обращения: 16.14.2017).

Reutova M.N., Reutov E.V., Shavyrina I.V.

RECYCLE IN SOCIAL ATTITUDES: NONMARKET EXCHANGE OF RESOURCES IN THE MODERN ECONOMIC SYSTEM

The article analyzes the importance of reciprocity as a principle of constructing social relations in the modern economic system. The forms and types of reciprocity, mechanisms of reciprocity in the reproduction of mutual aid practices in local communities are considered. In the analysis of empirical data, it is established that the majority of Russian households are connected by exchange or mutual assistance with others. In the conditions of social and economic crisis these relations acquire special significance. Generalized and negative reciprocity is still quite widespread in Russian society, especially within the framework of relations between parents and children, as well as in friendly and partnership relations. At the same time, the spread of practices of self-organization and mutual assistance at the local level contributes to the formation of specific values and attitudes of mutual responsibility, which underlie a balanced or "pure" reciprocity.

Key words: reciprocity, mutual assistance, household, socio-economic relations, local community.

Реутова Марина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Адрес: Россия, 308012, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: reutova@bsu.edu.ru

Реутова Евгений Викторович, кандидат социологических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Адрес: Россия, 308012, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: reutovevg@mail.ru

Шавырина Ирина Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент
Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова.
Адрес: Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, 46.
E-mail: shavyrina_77@mail.ru